

Уже это одно свидѣтельствуеъ о популярности Тургенева, которой не знали въ свое время ни Л. Толстой, ни Достоевскій.

Изданы книги прекрасно. Въ первомъ томѣ, кромѣ факсимиле Пушкина и Мери́ме, портретъ Пушкина (Кипренскаго) и Лермонтова (по рисунку барона Палена). Во второмъ — портретъ Гоголя (по рисунку Венеціанова), Тургенева (по рисунку Беранже), рисунокъ Гоголя къ заключительной сценѣ «Ревизора» и факсимиле предисловія Мери́ме к переводу «Отцовъ и Дѣтей».

Н. Кульманъ.

M. Gorlin. N. V. Gogol und E. Th. A. Hoffmann. Harrassowitz. Leipzig. 1933.

Превосходная работа молодого русскаго историка литературы М. Г. Горлина заново рассматриваетъ вотъ уже сто лѣтъ существующій вопросъ о вліяніи Гофмана на Гоголя. Вопросъ этотъ ставился большей частью столь неопредѣленно, что легко было отвѣтить на него утвердительно и на этомъ успокоиться. Горлинъ тоже гофмановскаго вліянія на петербургскія повѣсти и на Гоголя вообще отнюдь не отрицаетъ, но заслуга его въ томъ, что успокоиться на этомъ онъ не захотѣлъ. Книга его не просто устанавливаетъ такія-то заимствованія, совпаденія или аналогіи, а по настоящему изслѣдуетъ воздѣйствіе одного художника на другого, воздѣйствіе, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть ничего механическаго, заранѣе извѣстнаго, такъ какъ оно всегда индивидуально и мѣняется отъ случая къ случаю, всегда основано на духовномъ общеніи двухъ личностей, не обходящемся безъ сопротивленія и борьбы. Горлинъ очень хорошо показалъ, какъ Гоголь уничтожилъ во второй редакціи «Портрета» не совсѣмъ органическія гофмановскія черты, имѣвшіяся въ первой, и какъ постепенно отходить онъ отъ Гофмана — возвращается къ самому себѣ — переходя отъ «Невскаго Проспекта» къ «Носу» и «Запискамъ Сумасшедшаго». Попутно оказываются критически проявленными и разрѣшенными всѣ частные вопросы, касающіеся основной темы, и, послѣ тщательно выполненной подготовительной работы, авторъ приходитъ къ весьма интереснымъ выводамъ касательно внутренней противоположности гоголевскаго и гофмановскаго дара и невозможности для русскаго искусства принять эстетику нѣмецкаго романтизма, эстетику прекрасной видимости, спасительной иллюзіи. Было бы хорошо, если бы всѣ «компаратисты», серьезно относящіеся къ своему ремеслу и поверхностнымъ трудамъ, столь же серьезно относились къ своимъ задачамъ и обнаружили столь же хорошее пониманіе сути художественнаго творчества, какъ то, какое мы находимъ въ «Гоголь и Гофманъ».

В. Вейдле.